

5. Старцев А.В. Гилевы // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012. С. 155.

6. Шиловский М.В. Г.Н. Потанин в Бийске и Горном Алтае в 1870-е гг. // Горный Алтай. Исторический сборник. Горно-Алтайск – Бийск, 2007. Вып. 7. С. 107-112.

7. Старцев А.В. Ошлоков Андрей Трифонович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. С. 129.

8. Бойко В.П., Богданова О.В. Бийские купцы и местная архитектура // Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество. XVII – начало XX века. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2011. С. 101-116.

9. Бойко В.П. Внешняя торговля западносибирских купцов в Центральной Азии во второй половине XIX века // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVII-XX вв.: сб. ст. и мат-лов. Томск: Изд-во ТГУ, 1999 С. 46-55.

10. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234-259.

11. Потанин Г.Н. Монголия // Энциклопедический словарь «Гранат». Т. 26. Пг., 1916. С. 215-240.

А.П. Ярков, доктор ист. наук, профессор
Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
ayarkov@rambler.ru

КУДА И КАК ИДТИ В РАЗРАБОТКАХ ПОЛОЖЕНИЙ А.В. СТАРЦЕВА?

История предпринимательства – одна из тем исследований А.В. Старцева. Им подмечено, что удельный вес мусульман среди 6,7 тыс. сибирских купцов (пример, взят по 1851 г.) был невысок, а со временем ещё уменьшился. Это подтолкнуло к теме изучения экономической культуры, сконцентрировавшись на «мусульманском аспекте» [1, с. 27]. Возникла коллизия: догматика поощряла

предприимчивость, но местные мусульмане ею не отличались. В чём причина?

Догматика отражала обстоятельства рождения ислама на Ближнем Востоке при переходе от кочевничества к земледелию. Трактовка положения Корана, что всё принадлежит Аллаху и что верховное обладание передано Богом тени его на земле («Земля во власти Аллаха; Он отдаёт её в наследие тем из рабов своих, которым хочет»), закрепляла право частной собственности на землю, «избранность» её владельцев.

И если в других регионах возникала земельная проблема и необходимость поиска социальных и экономических «ниш» для трудоизбыточного населения, то в Сибири институт владения землёй даже в мифотворчестве жителей не имел сходства с ближневосточной моделью. Здесь был избыток природных ресурсов, превышавших потребности. К тому же традиционное хозяйство было комплексным, а ремесло – домашним. Ясак, а не закят являлся свидетельством принадлежности сибиряков к сообществу. А шариат не имел тех возможностей применения, как на Ближнем и Среднем Востоке, заменяясь (и значительно) обычным правом.

Инновации связаны с пришедшими караванами из Поволжья, Руси и Центральной Азии уже в XII-XIII вв. Между тем в Исторической энциклопедии Сибири (ИЭС) изложено мнение, что «в Сибири купечество начало формироваться на рубеже XVII-XVIII вв.» [2, с. 235], очевидно, предполагая «русское влияние». Утверждение ИЭС ошибочно, отражая евроцентристскую концепцию освоения. Она так же заводит в тупик, как и китаецентристская или исламоцентристская модели.

Международная торговля стала слабнуть в 1340-х гг. под влиянием политических (походы завоевателей) и эпидемиологических (чума) факторов. Редкие (отныне) караваны, например, из мусульманских стран, не привели к широкому заимствованию принятой там модели.

По включению сибирских территорий в систему подчинения Москве местные жители осознали, что русские и их союзники действуют не только методами войны: они имеют социально-экономический опыт нейтрализации явных или потенциальных врагов. При этом отношение к мусульманам, исходя из господ-

ствующей идеологии, было настороженным. Так, царь Фёдор Иоаннович тюменскому воеводе приказал осуществлять надзор над купцами и ремесленниками, прибывавшими из Бухары и Ногайской Орды [3, с. 150].

Предприимчивость и внедрение инновационных технологий пришлых, с одной стороны, была важна – как пример для их сибирских единоверцев, с другой стороны, настораживала местную власть и православных иерархов. Поощряя экономические связи, предполагалось не только установить надзор за контактами бухарцев и ногайцев с коренным населением, но и сообщать о результатах контроля в Москву. Внутренняя и внешняя политика государства напрямую связаны со стратегическим положением Сибири: через неё осуществлялась торговля России с азиатскими странами. Стабильность требовала осторожности. Об этом говорилось в царской грамоте тарскому воеводе Ф.Б. Елецкому 1596 г.: «...никаких таможенных пошлин с них имети не велели и береженье и ласку к ним держали великую» [4, с. 24].

Принявшие подданство России бухарцы перемещались по Евразии, добирались до Китая, Астрахани и Архангельска, попутно обеспечивая духовные потребности единоверцев и расширяя формы диалога культур и цивилизаций. В 1600 г. тюменский воевода Л.О. Щербатый даже писал о бухарцах уфимскому наместнику: «...а я, господине, позволил ездити в Уфу и в Уфинский уезд в волости со всяким товаром» [5, с. 74].

Бухарский «след» обнаружили лингвисты в лексике эвенков, долган и др. Неизвестно о купцах на Ямале, но там найдена монета в два курулуша, отчеканенная в период правления османского султана Мухаммеда (Мехмеда) IV (1623-1640). Предметы с арабскими и персидскими надписями обнаружены на капищах, где происходили шаманские камлания [6, с. 83]. Впрочем, попасть они туда могли в результате сложного обмена. Иногда это рождало парафраз символов – обнаружен на ненецком халмере медный складень с орнаментом «под арабские графемы». Куда как лучше это демонстрирует ремесленные заимствования – первый уровень диалога культур.

В Тюмени, Таре, Кузнецке, Томске и др. основаны бухарские слободы, где среди бухарцев селились и сибиряки-мусульмане. Там

формировались цеховые структуры (кожевенников, ковровщиков и т.д.) и династии.

Экономика, политика, религия, нравственность – взаимосвязанные сферы (формы) культуры. Поэтому ментально-психологический «портрет» предпринимателя важно написать, используя всю «палитру», а не монохром. Купец и ремесленник значительно лучше (чем власть) знали потребности населения, но подчинялись установкам. Как правило, купец-бухарец был аполитичен, но иногда выполнял и разведывательные поручения российских властей в дальних краях.

Предпринимательство не имело этноконфессионального «окраса» (товары «для всех»), но существовали предпочтения (ритуальные предметы), ограничения (на работу в праздники), пищевые запреты. У предпринимателей же появились возможности соблюдать столпы ислама. В условиях Сибири закят не имел фиксированного (расчётного) размера и определялся добровольно. Поэтому большое значение имел личный фактор и предпринимательская активность прихожан. Сформировались формы передачи в вакуф недвижимости и финансов. Мифы о «Священной Мекке» сменились рассказами хаджи. Имена легендарных правителей и шейхов (Багауддина, Кучума и др.) дополнились современниками – предпринимателями, часть прибыли направлявших единоверцам. У тех, в свою очередь, на смену фатализму пришла уверенность в собственных силах. Ведь рядом – пример успешности, не противоречащей образу идеального мусульманина.

В статье доходов имамов значились неоднозначные формулировки: «содержания ни от казны, ни от прихожан не имеет», «содержится на пожертвования прихожан», «пособия никакого не получает» [7, л. 31-33]. Очевидно, что всё-таки финансовая подпитка существовала, в т.ч. от купцов и ремесленников. Им были уже не только бухарцы и ташкентцы. Пример – родоначальник семьи сибирских татар Амировых – казах Кудайберди, выкупленный тарским бухарцем-муллою из джунгарского плена [8, с. 32]. Сибиряк С. Уркин, в XVIII в. торговавший с Китаем, – из казанских татар [9, л. 978].

Купцов (как и служилых татар), клявшихся на Коране «исправлять честно службу», выбирали в таможенные головы и целовальников (ответственных за отпуск вина) [10, с. 95]. Религиозные

запреты на спиртное и «брать деньги в рост» использовались и компаньонами. При этом знающие понимали, что для иных мусульман клятва «иноверцу» не считалась «настоящей».

Сама «этническая экономика» есть результат социального конструирования, инструмент стратификации и противопоставления «чужим» – в этноконфессиональном плане. Другой вопрос, что уже не все купцы и владельцы производств оставались «своими» для уммы – по статусу, ментальным особенностям, культурным установкам: «Ценностями торговой цивилизации выступают либерал-демократия, права человека, индивидуализм, предприимчивость, рынок, конкуренция, частная собственность, посредничество, изворотливость. К ценностям земельной цивилизации относятся коллективизм, традиционализм, патернализм, этатизм, нетерпимость к посредничеству, изворотливости и спекуляции» [11, с. 52].

Самая большая прослойка предпринимателей была в Тобольской губернии. Однако «купцов из туземцев было очень мало, да и то, в основном, татары и бухарцы».

Деятельность большинства не выходила за пределы мелкоотварного оборота. Но уже формировались и крупные фирмы, например, «Валики Ильчигуловы наследники», иркутско-читинского клана Шафигуллиных.

Существовали региональные особенности. Лишь 0,87% мусульман Бурятии были купцами (из них половина – 15 чел. – в Верхнеудинске, а это 6,2% городских предпринимателей). Если в первой половине XIX в. в Томске выделялись Вахитовы, то в конце века среди 89 купцов там не было ни одного мусульманина [12, с. 150]. Объяснение – предприимчивые переезжали в села, уходя от конкуренции с европейцами, но расширяя сферу притязаний в «своей» среде, например, в переработке сырья или в продаже «религиозного» товара. Проникали купцы и к северным рыбакам, охотникам, сборщикам дикоросов. Миссионерствовали ли они попутно? – неизвестно...

Горожане не чурались общественной деятельности, выступая благотворителями, а Г. Мансурова даже избрали гласным Омской городской Думы и председателем – в Попечении об учащихся мектебе. Не был в стороне и известный благотворительностью тор-

говый дом «Братья Агафуровы», имевший филиалы в Сибири [13, с. 275].

Замечено по Тобольску в 1901 г., что иные купцы «не сочли нужным научиться русской грамоте», хотя на татарском языке читают. Соответственно, им «недоступны правительственные распоряжения, касающиеся их быта».

Напротив, предприниматели Петропавловска и Иркутска настаивали на обучении детей русскому языку, предвидя новые экономические отношения. Торговые дома, ремесленные и заводские производства, железнодорожный и водный транспорт становились полиэтноконфессиональными, согласуясь в режиме с временем молитв и праздников. Для хозяев и наёмных руководителей важнее были знания и сноровка, нежели происхождение работников. Поэтому затруднительно вычленить «чистый» объём капитала мусульман (в 1898 г. в Томске насчитывалось 1063 торгово-промышленных заведения с оборотом в 27 млн руб., в Тюмени – 530 – с 17 млн руб.), хотя наличие там «исламской составной» очевидно.

Предприниматели сохранили религиозные постулаты, но и приспособлялись к правилам, распространенным в стране. Примечательно участие сибиряков в работе биржи на Макарьевской ярмарке [15, с. 46].

А вот финансовая система отличалась спецификой: при наличии собственности у мусульман, банки не должны применять договора залога, поскольку право собственности – залог по определению [14, с. 48]. Они не занимались ростовщичеством, но получение кредитов не возбранялось, а для привлечения мусульман с 1899 г. по сберкассам рассылались специальные брошюры на татарском и казахском языках. Тем более, что в том же году появилась фетва М. Абдо, разъяснившая, что получение кредита на вклады не «тождественно греховному ростовщичествому» [16, с. 61].

Известна династия купцов и меценатов из ю. Ембаевских Кармшаковых-Сайдуковых (Сейдуковых), где выделялись братья Нигматулла, Рахматулла, Хабибулла, сыгравшие важную роль в развитии экономики и культуры. Характерна деятельность Н. Сайдукова в учётно-ссудном комитете отделения Государственного банка в Тобольской губернии. В 1897 г. управляющий отделением

Н.Н. Седов дал ему характеристику: «...человек в крае пользующийся общим уважением среди своих единоверцев и русского купечества, знает край хорошо и ведёт большие торговые дела при значительном капитале... положительно для нас необходим, так как никто кроме его не знает так хорошо состояния и дела... бухарцев. Личность вполне порядочная и известная во всем округе по своей честности и добросовестности. В случае его неутверждения я буду поставлен в безвыходное положение относительно оценки векселей и кредитоспособности многих тюменских бухарцев». В разные годы в состав Тобольского и Тюменского комитетов входили также Т.С. Айтмухаметов, М.-А.А. Мирсалимов, А.-К.М. Муртазин, М.С. Ченбаев [17, с. 148, 154].

Оставаясь бережливыми и расчетливыми, Сайдуковы не пренебрегали иждивенчества некоторых единоверцев, но благодаря им новый импульс получило Ембаевское медресе («Магометанское духовное училище»), куда для 10-15 шакирдов (запроектированная вместимость) приглашались лучшие преподаватели, такие как просветитель и поэт, сибирский татарин из потомков шейхов М. Юмачиков. Поэт не только прославил благотворителей – братьев Сайдуковых, но и в баите об Ирбитской ярмарке осуждал антиобщественное поведение купцов из числа единоверцев. При поддержке Сайдуковых из Казани приехал Х. Бурундуков, руководивший медресе в 1883-1890-е гг.

С помощью Сайдуковых сибиряки стали обладателями священной реликвии – волоса пророка Мухаммада (му-имубарак). Они же оказали финансовую поддержку в получения образования талантливым молодым людям, а с Ю. Сагитовым (в последующем руководителем Ембаевского медресе и ахуном мечети) и породнились [18, с. 6].

Приобретая на ярмарках и в магазинах в Казани, Уфе, Ирбите, Троицке, Москве, Константинополе, Бухаре, Ташкенте книги и манускрипты религиозного и светского характера на арабском, фарси, тюрки, Сайдуковы способствовали укреплению традиций книжной культуры и норм литературного языка. Братья-меценаты заложили основу первой в регионе татарской библиотеки (с 1888 г.), насчитывавшей 2200 книг и рукописей [19, с. 41]. Ситуация в Ембаевском медресе благоприятствовала развитию богослужебной функ-

ции татарского языка, и, как считал Р. Фахретдин, там одним из первых введен звуковой метод обучения [20, с. 196]. Шакирды становились квалифицированными имамами, а обогащенная ими во время обучения лексика отразилась в арабизмах и фарсизмах быденной речи уже их воспитанников.

Многие из состоятельных людей сами прославились как знатоки. Например, главный спонсор строительства 1-й семипалатинской мечети Шафи Бай был не только богатейшим человеком, но и прекрасным знатоком права. Он являлся постоянным участником собраний (меджлис) улемов, где принимал участие в религиозных диспутах.

Высокий авторитет предпринимательской элиты способствовал укреплению в массах религиозной идентичности. Благодаря поддержке увеличилось и число улемов, готовых теоретически отстаивать вероучение. Например, Х. Ярми учился в медресе Стерлитамака (Башкирия) и Мечкере (Татарстан), а по возвращении служил имамом в родном Кырынке, где к тому времени его воспитатель Н. Сайдуков построил мечеть [21, с. 52].

Отражая общую тенденцию в бизнесе, Ш. Шафигуллин являлся членом иркутского городского раскладочного по промысловому налогу присутствия; комиссии по разработке вопроса об упорядочении дел эксплуатации домов Самсоновых; учётного комитета банка Е. Медведниковой; биржевого комитета по делам несостоятельных должников, не оставляя благотворительности.

В стремлении утвердить приоритеты Тюменская городская Дума 11.04.1907 запретила мусульманам торговать в православные праздники. В 1910 г. отменён ясак для всех, плативших его ранее, и введён единый денежный налог. В ответ на давление господствующей идеологии обозначилось общественное брожение [22, с. 271]. Между тем в умме укрепился (во многом благодаря предпринимателям) джадидизм – движение модернизации, в начале XX в. уже господствуя в жизни элиты.

Таким образом, дореволюционная эволюция экономической культуры мусульман Сибири отражала их мировоззренческие ориентиры. И они были связаны с общероссийскими и мировыми тенденциями.

Список источников и литературы

1. Ярков А.П. Экономическая культура мусульман Азиатской части России в панораме веков и обстоятельств // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2018. С. 26-32.
2. ИЭС: в 3 т. Т. 2. Новосибирск, 2009. 807 с.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1941.
4. Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. Ташкент, 1983. 44 с.
5. Башкирский край: сб. ст. Вып. 7. Уфа, 1997. С. 86-85.
6. Малоземова О.В. Торговля Руси с «Югрой и Самоядью»: исторические мифы и археологическая реальность // Россия и Восток: археология и этническая история: мат-лы IV междунар. науч. конф-ции «"Россия и Восток": проблемы взаимодействия». Омск, 1997. С. 81-84.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1557.
8. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 14. Кн. 803.
10. Большая Тюменская энциклопедия: в 3 т. Т. 3. Тюмень, 2004.
11. Безбородов В.П. Две концепции модернизации России // Права и свободы человека: теория, история и практика (к 20-летию отмены статьи 6 Конституции СССР): мат-лы Всерос. науч. конф-ции / отв. ред. С.А. Величко. Омск, 2010. С. 50-54.
12. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2011.
13. Казакова-Апкеримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (во второй половине XIX – начале XX в.). Екатеринбург, 2008.
14. Вычугжанин А.Л. Мусульмане в банковских операциях Тобольской губернии // Сулеймановские чтения: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф-ции. Тюмень, 2012. С. 46-50.
15. Ислам на Нижегородчине: энцикл. словарь / колл. авт., сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2007.

16. Милославская Т.А., Милославский Г.В. Некоторые вопросы теории и практики финансово-экономической деятельности // Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики: сб. ст. М., 1985. С. 60-63.

17. Вычугжанин А.Л., Отрадных О.А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень, 2004.

18. Мечети и мусульманские организации Тюменской области. Информ. справочник / авт.-сост. К.Б. Кабдулвахитов. Тюмень, 2011. 120 с.

19. Бустанов А.К. Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013. 264 с.

20. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. 208 с.

21. Гарифуллин И.Б., Ярков А.П. Сын муллы Хамит Ярми // Мир национальностей. 2003. С. 50-53.

22. Шершнева Е.А. Взаимоотношение мусульман с Русской Православной Церковью в XX в. на Алтае // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. Вып. IV / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2010. С. 269-271.